

С К А З А Н И Е
О
Л Е Н И Н Е

337435

Марфы Семеновны
К Р Ю К О В О Й

Записал и обработал
Викторин Попов

АРХАНГЕЛЬСКОЕ ОБЛАСТНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

1938

„Сказание о Ленине“ записано от Марфы Семеновны Крюковой, из деревни Нижней Золотицы, Приморского района, Северной области. М. С. Крюковой 63 года. Происходит она из известного на Севере рода сказителей Крюковых. Сказителями были и ее дед Гаврила Леонтьевич, и ее мать Аграфена Матвеевна.

От самой Марфы Семеновны фольклористы записывали старины (былины) еще в конце прошлого века. В настоящее время М. С. Крюкова является одной из способнейших сказительниц русского народного эпоса. Репертуар пропеваемых ею былин, исторических песен, рассказываемых бывальщин составляет около ста пятидесяти названий. В отличие от других сказителей М. С. Крюкова не рабски воспроизводит своей феноменальной памятью „предания старины глубокой“ в том виде, как их сама слышала от других, а, превосходно владея техникой былинного стиха, поэтически одаренная от природы, она всякий раз импровизирует, создавая новые образы, новый колорит, строго сохраняя, однако, основную „историческую“ и сюжетную схему.

Но Марфа Семеновна не только пропевает старины. Ее поэтическое дарование выходит за пределы схем, законсервированных в былинах, она сочиняет свои новые произведения, темой которых являются или современные революционные события, или жизнь ее родной деревни Золотицы, или личные переживания. Марфа Семеновна — поэт. Вся ее жизнь прошла в творчестве. Это наложило своеобразный отпечаток на ее облик и характер. Она как бы чужда интереса к бытовой повседневности, ее взгляд самоуглублен, она молчит и как бы отсутствует, если разговор при ней ведется на темы, ее не занимающие. Как только речь заходит об истории, о новых событиях, о творчестве, глаза ее начинают переливаться в улыбке внутренней озаренностью, лицо, до этого суховатое, непостижимо преображается, оно влечет к себе душевной теплотой, творческой взволнованностью. Марфа Семеновна вступает в беседу: первые фразы она произносит неуверенно, будто ощупью пробираясь среди лесной чащи, затем, на второй-третьей минуте, попадает в ритм стиха и, как бы выйдя на широкую, ровную дорогу, напевает свой рассказ легко, уверенно, щедро рассыпая сочные образы былинной поэтики. О чем бы Марфа Семеновна ни принималась рассказывать, если она в настроении, рассказывает экспромтным стихом, полупевая, произнося слова особенным беломорским говором.

Если бы кто-нибудь записывал все ее повседневные рассказы, то получилось бы обширное собрание стихов на самые разнообразные темы, а среди них немало таких, которые заслуживали бы опубликования в печати как яркие образцы творчества народного поэта М. С. Крюковой.

Сидим мы однажды с Марфой Семеновной, беседуем.

— А крепко,— говорю я ей,— вы любите свое Белое море!

Марфа Семеновна помолчала с минуту, затем, вздохнув, отвечает:

Ничего нет прелестнее на севере,
Как есть да море наше Белое,
Оно все-то у нас тут украшеньице,

Очень мило, как стоит-то оно у нас,
Когда тихое!
Оно стоит-то тогда, не колыбнется,
Морской волной не разливается, —
Хорошо смотреть тогда на море Белое!
Когда ж подуют ветры буйные,
Ветры буйные да северные,
Так подынутся волны сильные,
Зашумит тогда да море Белое,
Погонит волны все к бережочку,
Ко желтому-то ко песочку,
Будто белы чайки волны взлетывают,
Волны будут в берег разбегаются,
Серы камешки загремят,
Расшумится тогда море да растреложится.
Хорошо смотреть на море Белое,
Когда взволнуется оно непогодушкой!

Вложившись в этот ритм, она целый вечер напевала стихом о Белом море, о Золотице, о том, как медведь задрал в лесу ее корову. Я записал весь рассказ, и это — готовая большая поэма. А ведь экспромт! Такова сила ее поэтического дарования!

„Сказание о Ленине“ записано мной по инициативе Управления по делам искусств при Севобл-исполкоме, в июне 1937 года, в Архангельске, куда Марфа Семеновна была вызвана из Золотицы для участия на областной олимпиаде народного творчества.

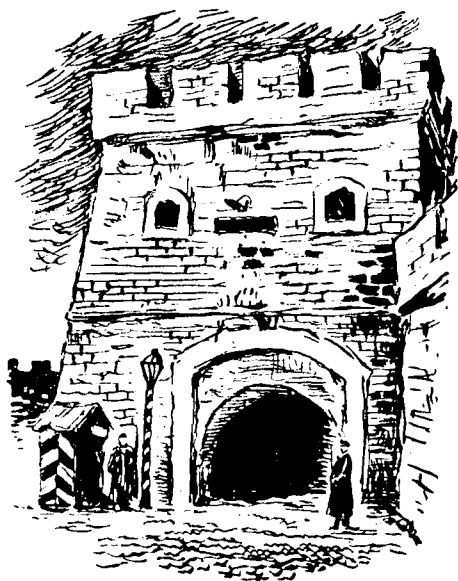
„Сказание о Ленине“ — это не фольклор в обычном понимании, это — индивидуальное творчество М. С. Крюковой, которая по праву может быть названа народным поэтом. Это — сказание-поэма.

Марфа Семеновна грамотна. За чтением она проводит напролет ночи. „Сказание о Ленине“ является своеобразным сочетанием разных влияний: народного представления об излагаемых событиях, вычитанного из книг, слышанного от рассказчиков и собственной творческой фантазии.

Не все события, описанные в настоящем сказании, соответствуют историческим фактам. Так, например, она рассказывает о побеге В. И. Ленина из Сибири, чего на самом деле не было. Однако эти исторические неточности не нарушают общего образа Ленина и характера исторических событий.

Мое участие при записи и обработке настоящего сказания заключалось в помощи ей расположить некоторые события в правильной исторической последовательности, в исключении отвлечений, не имеющих непосредственного отношения к основной теме, в значительном сокращении поэмы за счет излишних повторений и слишком растянутых в иных местах описаний, создававших диспропорцию отдельных частей поэмы.

Викторин Попов.

Во те годы во прежние,
Во те времена во досельные,
При поганой памяти при царе Иддлице
Во Симбирске, славна городе на Волгè-реке,
Во светлице было, во горнице —
Дети с матушкой речь говðрили,
Со родимую они по-тайности.
Говорил ей да сын старшой Александр:
„Я хочу итти в путь-от дальний,
Ко царю самому в город Питер,
Я хочу погубить Иддлице-царя,
Не идет от него прожиточная жизнь народу,
Заморит народ он смертью лютою,
Смертью лютою, голодною!“
Целовала матушка своего чада милого,
Целовала-то его в уста сахарные,
Прижимала его к ретиву сердцу:
„У тебя, Сашенька, своя воля вольная,

Ты задумал дельшко немалое,
Немалое дело да великое,
Не поймали бы тебя слуги царские,
Не отрубили бы твоей буйной головушки,
Уж как не осталась бы я без сына любимого,
Без любимого сына да без старшого,
Как ты в дому был взамен батюшка-родителя!
Отвечал ей старшой Александр:
„Нечего тут страшиться страху великого,
Рыцари идут-едут — не страшатся ведь,
Смерти скорой не боятся же!“
Надевал он шубу простую, деревенскую,
Набросил ее он да на левд плечо,
Надевал на голову шапку теплую,
Распрощался он да с рдной матушкой,
Распрощался он да с братья-сестрами,
Тяжела ему была разлука-расстатьице.

Дак пошел Александр дорожкой пешею,
Он шел-то болотами жидкими, дыбучими,
Он шел-то лесами очень темными,
Мимо тех ли озер преглубистых,
Теми ли он шел заводами тихими.
Немало-то прошел поры-времени,
В город во Питер пришел поздней ноченькой,
Подошел он ко дворцу ко царскому:
Стоит там высокий царский трон,
А на троне на том сам Иддлице сидит,
Сидит он будто большой бугор.
Это что такое за чудовище:
Живот очень большой да очень толстый,
Брюхо чуть на трон да не вывалилось,
Рыжей бородой прикрывает он брюшину жирную!
Царь сидел на троне, спал-храпел же,
Он уж так храпел — весь дворец дрожал,
От того от храпу от царского шум шумел,
Будто вехорь шел да со погодою.
Подошел Александр ко трону потихохоньку,
Потихохоньку да совсем близехонько,
Подкатил под трон бочку с порохом,
Хотел уж пускать свечу взрывчату,

Штоб взорвать палаты белокаменные
Со царем да со Идолищем,
Как подоспели-то слуги царские
Да схватили добра молодца.
Скоро-скоро пробуждался царь,
Прохватился он от сна от жирного,
Тут уж царь растреложился, разъерился:
„Как ты смел, разбойник, супротивник мой,
Как ты смел подойти ко мне?“
Как скóчил Идóлище со трону со высокого,
Размахнулся своей рукою правою,
Побросил добра молодца кулачищем на сыру землю,
Вынимал тут царь из пазухи кинжалище булатное,
Он хотел вспороть да груди белые,
Дак не привелось да погубить его:
Ото сна рука в плече застрялася.
И кричит царь палачам-слугам немилóстливым:
„Вы ведите его в темницу темную,
Не пойте его, не кормите трое суток,
А через трое суток дайте ему
Гнилой хлеб да овсяный же,
А водицы дайте ему со ржавчинки,
Уж вы сделайте скóрей дело повеленное!“
Спускали его в погреб во глубокий,
Призадергивали решетками железными,
Заваливали камнями тяжелыми,
Засыпали поверх песками желтыми,
Штоб мелкие звездочки не просветывали,
Приставили ко погребу верных каравульщиков.
Дитя малое в темном погребе сидит,
В темном погребе сидит да во тюрме крепкой,
Он сидит да призадумался:
„Уж ты, молодость, моя молодость,
Моя молодость молодецкая да очень младая,
Улетела бы ты, молодость, из неволюшки
Ясным соколом во чисто поле...“

Не привелось ему да долго думати,
Раскинали палачи каменьяца тяжелые,
Выводили его на белой свет,
Заводили его да во широкий двор,

Во широком дворе кругом стены кирпичные,
Штоб честные люди не смотрели, не видели.
Посередь двора стоит виселица дубовая,
Подводили его под ту виселицу под высокую,
Стоит-то у виселицы сам царишко с животищем,
Рядом с ним митрополит-епископ в облачении,
На груди его да золотой же крест,
И кругом стоят палачи немилостливые.

Сам ведь царь сделал петелку шелкѡвую,
Он накидывает ее Александру на шею белую,
Кулачищем сует ему во само лицо,
Говорит ему царь да таковы слова:

„Уж не видел бы я твоего лица поганого,
Я из рук у тебя, из ног жильё повытяну,
Самого тебя стругом повыстружу,
Твой речистый язык буду теменѡм тянуты!“
Тут подходит-то к дубовым столбам епископ
в облачении,

Выговаривает он да такую речь:

„По грехам нашим по тяжким, по великим
согрешеньям

Все так это случилось, сотворилось“.

Александр стоит с петелкою шелкѡвою,

Он стоит да скорой смерти не боится-то:

„Есть у меня младший брателка Владимир-свет,

Он уж станет взамен меня бороться,

Он уж встанет за правду народную,

Он уж подынет всю силу зѡмную,

Ищо столько вам жизни, злодеям лютым,

Покуль сабля его не взвилась над вашими главами!“

Он стоит-шумит силой-правдою,

Только не доходчива она палачам-губителям,

Один солдат на часах стоит,

На часах стоит да слезно плачет он.

Не вешняя вода разливалась,

Не морская-то волна раскаталась,

Очи ясные призакрылися,

Запеклись его уста кровью горячею.

Как пришла-то в Симбирск скоро грамотка,
Скоро грамотка от самого царя Идѳлица,
А на том листу ербовом все подписано,
На нем все поимянно упомянуто.
Как кидалася да дочь родимая
Во ту светлу, светлу светлицу,
Прибегала она к родной матушке:
„Уж ты, маменька моя родимая,
Пришла грамотка к нам да все нерадостна,
Царь ведь сказнил да брата старшого,
Дорогого брата нашего, милого,
У нас Сашенька-от под дрѳвом висит,
Под дрѳвом висит да под дубовым!“
Тут заплакала родна матушка,
Она смочила бело лицо да горючьми слезьми,
Воздыхала она тяжелехонько,
Тяжелехонько, очень скорбехонько,
Срывала она со своей головушки седые волосы,

Побежала она с того горюшка ко крутому
бережочку,

Ко славной к Волгè ко реченьке,
Протекли ее слезы горючие по крутому бережочку,
А вода-то в Волге от слез ее помутилася.
Заговорила матушка да она по-старости,
В огрубленьици, в печали слово молвила:
„Моему-то чаду милому споем память вечную,
Его судьба-жона да все веревочка,
Пиры свадебные — да гробова доска!
Уж вы дети мои, деточки сердечные,
Вы сердечные, дети милые,
Вы послушайте родну матушку,
Вы постойте за брата, поборитесь,
За любимого брателка, за Сашеньку,
За его правду, за народную!“

А Владимир стоял теперь за старшого,
Он смотрел-смотрел, думушку думал,
Молоды его, могучи плечи сшевелилися,
Младо сердце растреложилось,
Разыгралась в нем силушка великая.

„Не тужи ты, родна матушка, не печалуйся,
Уж мы положим промеж себя заповедь великую,
Заповедь великую за правду народную боротися.
Не мочи, любима матушка, да лица белого,
Не порти своих очей ясных,
Я ведь слышу силушку в себе великую,
Кабы было кольцо во столбике во дубовом,
Я бы выдернул его сам со товарищами,
Со той ли со дружинушкой со верною,
Поворотил бы всю матушку сыру землю!
Я хорошо-то учен во мудру грамоту,
Читал-то я одну книжечку волшебную,
Я-то знаю нонь, где кольцо найти,
Я-то знаю, как поворотить всю землю,
Всю землю, всю нашу Россиюшку.
Позволь ты, родна матушка, пойти в путь-
дорожечку,

По городам-то пройду да морями проеду,
Прогляжу, просмотрю весь народ-то я,
Собирать мне надо силушку великую,

Мы пройдем, отыщем то кольцо чудесное,
Повернем кольцом всю сыру землю
На сторону на правильную, на справедливую.
То не честь будет молодецкая,
Не похвала будет славна рыцарская:
Убить царя — польза невеликая,
Одного убьешь — другой-от сядет царь,
Надо, надо бороться по инакому,
Против всех князей, против дворян же,
Против всего порядку того досельного!“

А как воссияло красно солнышко
На том на небе на славна волжском,
А как стал Владимир на возрасти,
Как ясён сокол стал на возлети,
Распращался с рѳдной матушкой,
Распращался он с братом-сестрицами,
Распращался он со славной Волгѳй-рекой,
Выходил Владимир в путь-дорожечку,
В путь-дорожечку очень дальнюю
По всем городам, по деревенкам.

Ай с под ельничку, с под березничку,
Из-под чиста молодого орешничку
Выходили тут к нему крестьяне-чернопахари,
Из ворот из тех фабричных же
Выходили к нему простой народ да все работники,
Внимали ему мужики деревенские,
Внимали ему работнички заводские.
Он говорил-то им про царя про поганого Идѳлица,
Говорил-то им про вельмож, про богатеев купецких,
Про помещничков да про заводчиков,
Про их дела да про разбойные,
Про то, как надо всем собираться в одну партею,
Собираться всем, скопляться,
Надо как бороться против всего порядку
досельного,
Штоб не осталось на земле кривды богатейной,
А осталась одна правда сушая.
„Уж вы, добрые молодцы, крестьяне-чернопахари
Да работнички заводские да люди ученые,

Как соберемся мы в силу великую,
В силу великую да всенародную,
Уж мы выдернем чудесно кольцо из сырой земли!“

Дак прошла про него славушка великая
По всем землям, по всем славным городам.
„Уж ты ой еси, свет Владимир Ильич,
Ты возьми-бери дела эти срочные, необходимые
В свои руки во умелые,
Скоро, скоро ты веди же нас
Ко тому кольцу чудесному, поворотному!“

Но недолго ходил свет Владимир Ильич,
Изловили, избидели его царские опричники,
Посадили его в темну темницу,
Во те ли во подвалы во глубокие,
Как тогда да повезли его во ссылочку во дальнюю,
Во ссылочку во дальнюю во страну во Сибирскую.
А в той стране во Сибирской
Морозы стояли холодные,
Стужи были очень сильные.
Зажигал он костер да от холоду,
Разгорался костер, горел пламенем,
Согревал он свои руки закаленные,
Тогда писал он грамотки скорописчаты,
Посылал эти грамотки по всем земелюшкам,
В этих грамотах он писал, все прописывал,
Как дела вести, как боротися.

Собирался Ленин уйти оттуль, уехати,
Из той страны холодной, из Сибирской,
Из той ссылочки своей из дальней,
Не мог ни на чем ни уйти, ни уехати,
Да стерегли его, каравулили
Все уряднички, слуги царские.
Пришел к Ленину мужик непрожиточный,
Мужик Иван пришел да он сибирский,
Сказал ему Иван да слово тайное:
„Доверься мне, Ильич, что я скажу,
Что я скажу да спасу тебя,
Спасу тебя от гибели,

Избавлю тебя от смерти скорой:
Уезжай отсюда все подальше же,
Штоб не могли сказнить тебя опричники царские!
У меня есть лошадь, могу увезти тебя,
Увезти тебя в страны иностранные,
Там побудь, поживи несколько поры-времени,
А мы как здесь по-хорошему управимся,
Дак позовем тебя во правители!“

И повез его Иван на лошадошке,
Лошадушка на бегу бежит,
А подковки все ведь брякают,
Иван сидит за кучера, поправливает,
А Ильич сидит в задку, весь во мху оброс.
Они ехали дорожками все лесными,
Где никто да не проезживал,
Где птица летучая не пролётывала,
Где звери лесные не пробёгивали.
Они ехали немало поры-времени,
Ихня лошадошка утомилася,
Утомилася, из сил повыбилася.
Время шло все ко вечеру,
Ко закату соньца красного,
Увидали они — на границе столб стоит.
Тут мужик Иван со Лениным распрощался,
Распрощался, расцеловался с ним.
„Ты беги, Ильич, в ту страну,
Котору видишь пред собой,
А я поеду в обратный путь
К своей жоне, к детям малым же,
К своим делам, к деревенским же!“

Пришел Ленин в иностранны
Увидал там многих людей,
Он ведь стал про город выспраши
„А какой это город, есть ли царь-от тут,
Ишо царь царит или князь княжит,
Ишо кто есть над городом старший,
Кто за ним во всем заведует,
Какие ведутся порядочки во городе,
Как живут народ да люди добрые?“
Отвечают ему люди добрые, прохожие:
„Не говори, доброхот, да громким голосом,
Есть царь-от у нас да очень немилостливый,
Есть уряднички у нас да очень строгие,
Есть у нас помешники и заводчики богатые,
Глаза-то у них на все завидушие,
А руки у них на все загребушие.
Говори-ка ты тихим голосом,
А то захватят тебя они, да добрый молодец,

Возьмут да под надзор тебя,
Сказнят тебе да буйну голову!“
Уходил Ильич из того из городу,
Уходил он в другой город иностранный,
Из второго шел во третий же,
Во всех городах цари сидели с королями,
Они сидят да забавляются,
Над народом простым изгиляются.
В один город пришел же он,
В том городе царя да не случилось,
Короля там де не пригодилось,
Цари и короли в этом городе извелися,
А на царском троне сидит чучело.
Стал поживать тогда в этом городе,
Прирасклат на столичек чернила со пером, со бумагою,
Он начал делами заниматься,
Писал опять он грамотки скорописчаты,
Писал да все расписывал,
Как с царями боротися да с болванами деревянными,
Стал мыслить он такие мыслицы:
Сосчитать людей, сколько силы взять,
Штоб повыдернуть колечушко чудесное
Из сырой земли из матушки.
Он писал-сидел посреди да ночки темной,
Во ту порочку взошел да светел месяц,
Застучал-то кто ему под кисисчато окошечко,
Удивился он да ужахнулся ведь,
Кто такой стучит да под окошечком?
Открывал он двери все дубовые,
Заходила к нему красна девица,
Красна девица Надежда по отчеству Константиновна,
Встречал он ее с честью, с радостью:
„Ты откуль, милая, пришла, приехала,
Белой ли лебедушкой залетела
Из каких городов, из каких стран?“
Не мог он на нее да наглядетися,
Наглядетися да насмотретися,
Со веселою улыбкой стоит, со улыбочкой,
А у ней радость на сердце да превеликая,
Што увидела его здоровехонького
да веселехонького.

„Приехала-то я да из Россиюшки,
Ты не знаешь моей да все невзгодушки:
За твои-то дела за справедливые
Засадил меня Иддлице в темницу темную,
За замочки за крепкие, за заморские,
За крепкие двери за железные,
За те ли за строгие каравулы.
Я сидела немало поры-времени,
Заболел Иддлице, скоро смерть ему пришла,
Тут сделали попы звоны все церковные,
Стали вздынять на трон на царский же
Сына старшого Николая.
Разбежались-то все каравульщички
Посмотреть, взглянуть на царя нового,
А я пошла, исхитрилась, будто в проходочку,
Да убежала вон из Россиюшки.
Я пришла к тебе во помошнички,
Во помошнички, во способщики,
Уж я буду тебе жона верная,
Жона верная да неизменная,
Служить тебе я буду верой-правдою,
Одну думушку да будем думать мы,
В одну мыслицу да будем мыслить мы,
В одно речь будем говдрить“.
Заводилась у них беседушка любожелательная,
Ай ведь тихая беседушка, смиренная.
Скоро комнатку да убрала она,
Темны занавесточки на окошечко повесила,
Штоб не приметили уряднички работы тайной их,
Штоб не дознались уряднички, не догадались,
Штоб не заметили огня ночного.
Когда придет да утро ранное,
Зайдет на небушко да соньце красное,
Пойдет-то денечек белый же,
Выходила она тогда да на крылечушко,
Со крылечушка спускалась в садичек зеленый,
В саду рвала она цветы разные,
Она пела песни тут веселые,
А сама посматривала во сторонушки,
Она глядела, все поглядывала,
Не подкрались штоб уряднички, не нагрнули.

Во стране во Россиюшке народ-то
растреложился,
Растреложился, разгрубился весь:
Стала жизнь для народа сама гибельная,
Изнуряли народ, изгилялися да надсмехалися,
Не было народу никакой жизни пространной,
Не было ему никакой жизни прожиточной.
Вышли люди-народ да из терпеньица,
Брали они разные орудия боёвые,
Брали они оружия, у кого каки были,
Собирались ко дворцу все ко царскому,
Ко трону государскому —
Разбить-разогнать трон поганый весь.
Подошел-то к ним да поп соборный,
Стал просить их да уговаривать:
„Побросайте все оружица,
Которы есть да во руках у вас,
Не надо с оружием ко царю итти,

Николай-от царь все ведь добрый есть,
Он ведь добрый все ведь милостливый,
Из слов из ваших все ведь примет он,
Из речей он все повыслушает,
Обойдутся все дела без кроволитьца,
Без той без драки без напрасной!
Заберем с собой наших жон, детей,
Мы попросим все царя-батюшку
Жизнь устроить другу, лучшую,
Все он сделает, чего просим по-хорошему!"
У того у попа соборного
Был-от голос очень чудный же,
Очень чудный, очень громкий же,
Когда служил-то он да во божьих церквях,
Когда пел-читал службу церковную,
Все окошечки шаталися, стеколышка побрякивали.
Весь народ-люди его да приослушались,
Побросали они из рук оружица,
Собрали всех со старого до малого
Да пошли они ко дворцу ко царскому
Со песнями церковными, со духовными,
Они не знали, того не ведали,
Что будет им подлая изменушка.

Это случилось в день воскресения,
Светило прекрасно соньце красное,
На снегу блестели светлы звездочки,
Подходил народ со хоругвами
Ко дворцу царскому, к царю-батюшке.

А царь-то сидел-прятался в Селе Царском,
Он зелено вино попивал да сороковками,
Одну выпьет, другую приналаживают,
Другу выпьет, третью принаправливают.
Поил-то он всех солдатов допьяна,
А сам сказал своему дяди Владимиру Романову:
„Бери солдатов да силу многую,
Бери ружья булатные да пушки крепкие,
Отбивай народ прочь от дворца зимнего,
Стреляй же всех, не жалея ненавистников,
Почему они меня треложат просьбами разными!"

Это было воскресеньице да очень кровавое,
Палили тут из пушек, стреляли из оружия,
А весь народ-то без защиты был,
Тут погибло народу много понапрасному,
Народу убитого лежало улицами,
Улицами да переулочками.
А сам царь сидит, все прохлаждается,
С ним все тот же поп соборный,
Они сидели да надсмехались.
Когда битву-то кровавую окончили,
Царь приказал за то благодареньице,
Дал офицерам на трое суток гуляньице,
Дал солдатам на одну ноченьку гуляньице.

Тут народ по всей России да разъярился,
Царю народ не стал доверяться,
Брали народ дубиночки боёвые да топоры железные,
Бить-громить пошли помещников да заводчиков.
И скоплялись они ко столбику дубовому,
Ко кольцу чудесному, как Ильич велел,
Тут правда с кривдою в Россиюшке заборолася,
Кривда правду изобидела да победила же:
Весь народ хватали слуги царские
Да секли у них буйны головы.

Ай прошла эта весточка да прокатилася,
До того же дошла весть до города,
Где Ленин жил со своею верною подругой.
Получил Ильич об том ищо весточку
От мужика знакомого, от сибирского Ивана.
С восточной-то сторонки туча тучилась,
Туча тучилась, да будто гром гремит,
Ленин скорешенько-скоро собирается,
С Надеждой Константиновной он прощается,
На добра коня да садился он,
Конь-то у него был как снегу белого,
Хвост-грива у коня очень черная.
Скакал его конь во всю прыть лошадиную,
Ехал много дней Ильич поры-времени,
Сам не ест, не пьет, не кушает,
А когда конь его на отдòхе был,

На отдòхе был, траву-то ел муравую,
Пил воду холодную, ключевую,
Ильич же все не спит, только так лежит.
Приезжал-то он да на круты горы,
На круты горы на славна Воробьевские,
Со тех с гор со Воробьевских
Смотрел Ильич, проглянул же он,
Во всех сторонах каки дела совершаются:
Видит он отрублены буйны головы,
Лежат они по улицам, валяются,
Видит он, как народ губят на площадях,
расстреливают,
Как пихают народ во подвалы темные,
Как рассылают народ во ссылочки во дальние,
Как Россиюшка вся да потаилася.

И прошло-то немало поры-времени,
Как во июле во жарком месяце
Пришла весточка нерадостна:
Подымалась войной Ермания
Отобрать у нас владеньица славна русские,
Забрать-забрать в руки-то землю-Россиюшку,
Под свое-то взять владеньице,
Под свое ерманское распоряженьице.
А как сделал русский царь объявление,
Скоро объявленьице да всем мобилизацию,
Отовсюду привозили людей, собирали же,
Розыскали их по городам да по деревенкам,
Кто в морях-то был, кто в лесах-то жил,
Собиралась тут силушка несметная,
Несметная сила, непомерная,
Все солдатики собиралися да отправлялися.
Ребята-солдаты все да призадумались,
Призадумались, прирастужились,
Отцы с матушками прирасплакались,

Ихни жоны во печали оставались,
Оставались при нерадости великой.
Ай куда эта сила-то снарядилася,
Меж собой все ужаснулись,
Спроводили детей на битву на кровавую,
Только не знали за што да будут битися,
Будут битися да все боротися!
Как посылал-то царь войско во чисто поле,
Во чисто поле, во широкое раздольице,
Как посылал-то их во болота во глубокие,
Глубина — доброму коню до чрева конского,
Как посылал-то их на круты горы, на высокие,
Высота тех гор выше облаков ходячих-то.
Земля Ермания очень хитрая, лукавая,
Подошли они с оружьями с очень крепкими,
Палят-то ерманцы из пушек беспрестанно-то,
Выстрелы делали очень сильные,
Удары-то делали очень страшные,
А из мелкого оружья били безутишно.
Солдаты-то бедны не пивавши, не едавши,
Они билися, боролися,
Они не знали того, что позади изменушка,
Они бились-то, стреляли боём огненным,
Много падало-то убитых от Ермании,
Вдесятеро было укалечено.

Николашка-царь сидит да прохлаждается,
Разными водочками забавляется,
Во хмелю-то он, детина, несуразен был.
Из речей царь-детина вышибается,
Во хмелюшечки да похваляется:
„Некому теперь делать подкопы под трон под царский,
Как одних-то я во тюрьмы во глубокие засаживал,
Как других-то я в ссылочки во дальние загånивал,
Как третьих-то я отсылал на войну на ерманскую,
А в Россиюшке только стары-малы пооставались,
Уж как теперь у меня жизнь приятная,
Очень приятная, безопасная!“
А царица, она водочки добавляла,
Дополняла все, допõлнивала,
Когда Николай из сознания выбивался,

Когда не мог уж на ногах стоять,
Говорила она ему таковы речи:
„Ты пойдя, проспись, морда пьяная,
Ты пойдя, уйдя да все на черный двор!“
Когда заснул царь да он ведь крепким сном,
Приносят ей посыльный лист от ерманского царя,
От ерманского царя да скрытну грамотку,
И как писал-то царь ерманский русской государыне:
„Ай да любезная государыня, моя кровная племенница,
Ты не печалуйся ни о чем, дела твои поправятся,
Помоги ты мне, племенница, разбить русскую
дружинушку,

Разбить ее да всех-то в полон забрать.
Ты пиши-ка мне про тайности военные,
Штоб разбить всю силу русских солдатиков.
Когда дела пойдут да по-хорошему,
Заберу тебя от мужа, горька пьяницы,
Заберу тебя в свою страну во Ерманю!“
Когда лежал царь он пьяный-то,
Да где попало он катался,
Писала русская государыня
Про все обстоятельства российские,
Про все наши тайности военные.
А один солдат перехватил ту скрытну грамоту,
Показал ее да всем солдатикам,
Тут солдатика ужасались,
Меж собой да думу думали,
Думу думали да речь говорили:
„Нам ведь нужно прикончить войну,
Как выходят дела наши плохие,
Дела плохие, невыносные,
Не будем мы проливать крови понапрасному!“

В одну пору, в одно времячко
Подошла к Ленину да его жона,
Его жона Надежда Константиновна,
Брала его за плечо за правое
Да говорила ему таковы слова:
„Взгляни, Ильич, в окошечко,
Это кто приехал незнаком человек,
Уж не Сталин ли это, славный богатырь,

По личности чуть признать-то можно,
Он отростил бороду очень длинную,
Волоса у него да очень длинные,
Штоб не признали его да те уряднички“.
Сталин зашел, с ними свиделся,
С ними свиделся да поздоровался.
Ленин садил гостя, все усаживал,
Жона начала угощать питьем-кушаньем.
Ишо стал тогда Ильич у Сталина все выпрашивать:
„Ты скажи-ка, друг мой, Сталин-свет,
Про родину про нашу да про отчину,
Как дела идут, какие обстоятельства?“
Отвечал же он ему во подробностях,
Как идут дела, какие обстоятельства:
„Народ весь огрублен да не в приятности,
Бой-то идет да все ведь понапрасну,
Не за то народ хочет боротися“.
Когда все-то Ленин повыслушал,
Когда про все дела хорошо повыведал,
Не мог он на стуле усидетися,
Начал ходить по комнате, расхаживать,
И говорил-то он Сталину таковую речь:
„Такого положеньица терпеть никак нельзя,
Поезжай-ка ты обратно во Россиюшку,
Пусть берут крестьяне-чернопахари слеги долгомерные,
Пусть берут работники заводские молоты тяжелые,
Пусть берут солдатики свои ружьица светлые,
Приналаживайте вы да пушки скорострельные,
Пушай сделают народы великое восстаньице
Против царя-кровососа, против Николашки,
Против помещников и заводчиков,
Против купцов толстобрюхих и урядничков,
Уж поставим на это дело всю нашу партею!
А я скажу всем простым людям иностранным,
Штоб бросали они войну кроволитную,
Войну кроволитную, народу не нужную,
Штоб начинали они и у себя восстаньице,
Штоб помогали они нам во всех обстоятельствах,
Мы ведь братья с ними очень кровные,
Уж мы будем друг дружке помогать во всем,
А бессрочного времени на свете нету!“

Как по утру, по утру ранному,
По восходу соньца красного
Ото сна царица пробуждалася,
Пробуждалася, ужахалася,
Страшну сну-то дивовалася:
„Тебе полно-то спать, царь, усыпатися,
Пробуждайся, Николай, от крепкого сну,
Тебе пора вставать да про все же звать!
Я скажу, скажу тебе страшный-дивный сон,
Расскажу-ка я тебе да все поведаю:
В эту ноченьку мне мало спалось,
Мало спалось, во снях много виделось:
Со восточной со сторонки как орел летел,
Прилетел он на крышу на царскую,
на позолоченную,
Своими крыльями сотряхнул же он,
Он ведь стал у нас крышу-то поклевывать,
А тебя, царь Николай, клюнул в царску голову,

В царску голову да во желты кудри,
Во желты кудри да во ясны очи,—
К чему да этот сон идет,
Мне-ка думается, что не к хорошему?“
А лежит-от царь на кроватушке,
Он спит-лежит да разметался,
В долину его кровать да двадцати сажен,
В ширину его кровать да двадцати сажен.
Он вставал да умывался,
Умывался, он ведь одевался,
Они пошли тогда да во божью церкву,
Отслужили они обедню со молебнами,
Отслужили они за здравие царя, за царицу.
В этот день да так случилось,
Так случилось, приключилось,
Сделалось с народом волнованьице,
Большое волнованьице, великое восстаньице,
Мать сыра земля да потрясалася,
Царский трон-то всколыбался весь.
Стуки сделались очень громкие,
Удары-то сделались очень страшные:
Стучали ребятушки-народ в ворота царские.
Тут брала царица своего мужа за белы руки,
За белы руки да за златы перстни,
Тайным ходом она увела его
В потайной подвал, под дворец же свой,
А сама она сидела в своей спальне,
Вышивала ширинку разными шолками,
Разными шолками иностранными,
Да строчила ширинку красным золотом
Да убирала ее дорогим жемчугом,
Она сидела будто спокойная,
Будто ничего-то не приключилось.
Заходил народ да все восставшие,
Они спрашивали, где ее-то муж,
Где же бывший царь Николашечка:
„Нам ведь надо с ним повидатися,
Повидатися да расквитатися,
Ты приведи скорей своего мужа милого,
Покажи-ка нам его на посмотреньице!“
Отвечала им царица да таковую речь:

„У меня сейчас его в доме не случилось,
Он уехал во темны леса далекие,
Из темных лесов проедет он в тихи заводи,
Как будет он там стрелять гусей-лебедей,
Как будет стрелять пернастых-то серых уток.“
И говорила ищо хитрая царица таковы слова:

„Вы садитесь-ка да все присаживайтесь,
Уж вы будете у меня дорогими гостями,
Принесу-ка я вам наливочек, разных водочек,
Одарю я вас подарками разными,—

Теми ли соболями сибирскими,
Теми ли шолками разными иностранными,
Теми ли сукнами, бархатами заморскими!“

Тут ребятушки-солдатушки просмехнулись:

„Некогда нам разны шуточки прошучивать,
Прошучивать да проговаривать,
Не к чему нам твои подарочки,
А нам нужна-то правда сущая!“

Обошли-обыскали они все палаты белокаменные,
Пошли искать во подвалы поддомовые,
Разыскали-нашли Николая во подвале.

„Уж ты, бывший царь, Николай Романов,
Мы пришли сказать тебе волю народную:

Отдавай нам ключи от Россиюшки,
Ото всей нашей родной земелюшки,
Мы уж сами теперь управляться будем,
Управляться будем без царя же всё!“

Царь стоит, с похмельица призадумался,
С похмельица не мог слов говорить,

Только-только чуть сказал же он:

„Очень, очень мне тошнехонько,
Болит у меня царская головушка,
Да не выдают мне ножки резвые,
Не владеют у меня да руки белые,
Уж вы дайте мне скорей одобриться,
Одобриться да опохмелиться!“

Наливали ему чарочку зелена вина,
Чарочку немалую — полтора ведра,
Принимал Николай ее правдой рукой,
Выпивал-то он да на единый дух.

Народ тогда люди говорили:

„Уж ты ой еси, Николай Романов,
Ты вино-то пьешь, того не знаешь, не ведаешь,
Что ты не царь теперь, да не царить будешь,
Простой ты мужичина да горький пьяница!“
Тут Николай на них да разжигался ведь,
Он стукнул ногами от горячности,
Говорил-то он народу во гневности:
„У кого есть нонче таки права —
С царем россейским много разговаривать,
Как призову я палачей немилостливых,
Как опутают они ваши головы во путины шолковы
Как повздынут вас на виселицы на высокие!
Вы шуточку затеяли немалую,
Как эта шуточка вам с рук сойдет?“
Тут народу за обиду показалось,
Стали они промеж себя разговор вести:
„Мы будем его мучить муками разными,
У жива будем с него кожу сдираты!“
А проговорил мужик сибирский, Иван же тот:
„Нам не надо его мучить муками разными,
Нам не надо с жива с него кожу сдирать,
Мы-ка будем судить его да своим судом,
Своим судом да всенародным,
Наградим мы его наградушкой великою
За все дела его против народу поганые“.
Он ведь тут да приусмирел же всё,
Со тихостью да речь говорил:
„В жеребью ли мне горюшко повыпало,
По делу ли ты мне досталось?
Не судите меня да не губите,
Отпустите меня на все четыре сторонушки,
Пойду-поеду в разны страны неведомые,
Полетит за мной горюшко черным вороно
От того от горя от несчастного
Вы дозвольте мне пить везде зеленò вино
Зеленò вино безденежно да бескопеечно“.
Во ту пору, когда Николай разговаривал,
Царица-то успела схватить золоты ключи,
Золоты ключи из золотых ларцей,
Она успела унести да ключи государственные,
Передать их помещничкам да заводчикам.

Красно солнышко шло на вышину,
На вышину, на высоту славно поднебесную,
На красоту-то шло на чудную, на великую,
Тут не ясён сокол полетывал,
Дорогой-то вождь тут приезживал,
Как приехал-то славный, великий вождь,
Как встречали его народ со честью, со радостью,
С честью, с радостью, со веселым удовольствием,
Мужики-то чернопахари к нему шли перевалами,
Заводские работнички к нему шли всею массою.
Стал тут Ленин говорить народу правду сущую:
„Надо кончать войну, она не к надобью,
Народы простые иностранные тоже не хотят
боротися,

Надо забирать ключи государственные
У помещничков, у заводчиков,
Отобрать-то землю ото всех от них,
Наделить землю крестьян-чернопахарей;
Отобрать заводы у заводчиков,
Сами работнички будут управлять во всем;
Отобрать те лавочки торговые
От всех купцов да от богатых же!“

Как услышали да таковые речи
Помещнички, заводчики да енералы с офицерами,
Направляли они против Ленина пушку
скорострельную,
Штоб устрелить вождя народного,
Штоб не приводил он народ во смущеньице.
Как бросаются они к пушке к боёвой,
А у пушки-то солдатиками спуски разворочены,
Стрелять-то было нечем им.

Народ взял-схватил вождя в охапочку,
Увезли Ленина в одну во деревенку,
Из прутиков из ракитовых шалашик ему сделали,
А самого его одели в одежду пастушью,
Дали ему в руки рожок берестяный,
Будто он пастушок же есть,
Не могли отыскать его да погубить опричники,
Народ знали про шалашик да не сказывали,

Получали народ от него разные предписаньица,
Да по его совету они вели дела.
По утру было, по утру ранному,
По восходу соньца красного,
Выходил Ильич да из шалашика,
Умывал же он свое лицо белое
Ключевой водой, холодною,
Утирал лицо да полотенчиком,
Да как взыграет он во рожок берестяный,
Весь народ да услышал его,
Весь народ сходились да скоплялись
Ко тому ко столбу ко волшебному,
Собирались они со всей силой богатырскою,
Они брались за колечушко чудесное,
Тяжело пришлось колечушко выдергивать,
Силой крепкою они повыдернули,
Повернули славу землю-матушку
На другую на стороночку, на справедливую,
Да забрали ключи от Россиюшки
У тех помещников, у заводчиков.

Как съезжались народы да скоплялися
От старого до среднего,
От среднего до младшего,
Как садились они в заседаньице,
Как советы мудрые держали они:
„Кому быть да в управителях?“
В одну думу все думали,
В одну речь все говѣрили,
На единого свое избраньице положили,
На Владимира Ильича, вождя Ленина,
Всю Россиюшку ему-то поверили-доверили,
Вождю Ленину да со помошничками,
Со всей партией большевической.
Принял он ключи золотые да от всей земли,
Назначил себе во помошнички друга Сталина,
Во служеньице брал себе людей из простых
родѣв,
Из простых родов да из бедности,

А того мужика Ивана сибирского
Он поставил во народные комиссары, во министры.

Тут царю-то подали просту телегу деревенскую,
Повезли его в темницу во темную,
По грехам его так приключилося,
В жеребью ему так повыпало,
По делам его так отворотилося,
Тут как Николаю да скоро смерть пришла,
Скора смерть пришла и конец дошел.

Тут не в долго время войну ерманскую прикончили,
Отцы-то, матери взрадовались,
Проливали-то они слезы от великой радости.
Много, много из солдатов не вернулись,
Не вернулись во свои деревенки,
Не увидали они да отца с матушкой,
Не увидали своих да молодых жон,
Не увидали своих да малых деточек.
Много, много пришло да все убогих же,
Убогих да окалеченных,
Ни к каким работушкам да неспособных.

Тут отобрали-то земельюшку у помещников,
Тут отобрали-то заводы у заводчиков,
Тут отобрали лавочки торговые от купцов
от богатых,—

Богачи-господа тогда да испугались,
Кто куда да затаилися.
А для народу прѳостого настал праздничек,
Народ одевался в платье цвѳетное, во праздничное,
Веселые песни пропевали от удовольствия.
Недолго-то веселье продолжалось,
Недолго народ да прожил в радости,
Как подымалась тут туча темная
Над той землей, над советской Россиюшкой,
Загремел тогда да будто сильный гром,
Взбушевала-то погодушка немалая,
Обтянуло небо тучами со всех четырех сторонушек.
Собирались енералы да урядники,
Собирались помещники да заводчики,

Собирались князья да со дворянами,
Собирались купцы да очень богатые,
Скоплялись они в место тайное,
В место тайное да в потаенное,
Говорили они меж собой таковы слова:
„Это что такое в Россиюшке приключилось,
Мы не можем терпеть порядку нового,
Мы не можем-то в такой жизни жить,
Мы не можем с ними согласиться!
Полно нам по глупости жить сейчас,
Нам ведь надо наживать живот, как раньше был,
За свои права мы станем приниматься,
Соберемте-ка генералов со майорами,
Соберем мы всю-то белую дружинушку,
Нападем на силу Красной армии,
Побьем-разобьем, всех во прах возьмем!“

А Ленин-вождь в Кремле похаживает,
Своею ручкой по голове он поглаживает,
Он по комнате со трелогою ходит очень наскоро,
Его ретиво сердце да растреложилось:
„Ой, львы да все свирепые,
Ай, собаки да все бесчестные,
Не дают, собаки, отдохнуть же нам,
В делах наших управиться да наладиться!
Приведется бой держать с ними, бороться,
Мы их боем возьмем, дракой кроволитною,
Никого из них не оставим на сѣмена!
Призовем-ка мы из степей из привольных
Клима-кузнеца, славна Ворошилова,
Призовем-ка мы с того с Дону со тихого
Красна казака геройского Буденного,
Пошлем-ка их на битвы на великие со дружинушкой,
Пусть побьют они силу белую,
Силу белую, для народу ненавистную,
Кто беду да накликает на нас,
Сами они наперед да все погинут же“.

Правда с кривдою опять да повстречались,
Повстречались, заборолися,
Нападала сила белая да со всех концов.

Они хотели забрать во владеньице каменну Москву,
Каменну Москву, столицу народа советского,
Они хотели убить-погубить народных управителей,
Поставить-то на место старый царский трон,
Штоб опять пошла жизнь все по-старому,
Все по-старому да попржнему,
Прожному да по-досельному.
Как бела грива да развеваается,
Как белый хвост-то трубой завивается,
Как изо рту коня пламя-дым валит,
Как из глаз коня искры сыплются,
На коне сидит да рыцарь чудный же,
Повода держит в рученьке во левой,
Во правой руке трубочку подзорную,
На коне сидит да наш ясён сокол,
На имя Клим да Ворошилов-свет.
За ним едет красный казак, казак донский,
Казак донский на вороном коне,
Повода он держит в рученьке во левой,
Во правой руке сабельку вострую,
За ними идет да конна гвардия,
Конна гвардия, красна сила боёвая.
И вставали тут многи советски богатыри,
Снаряжали они свои дружиночки хоробрые,
Снаряжал свою дружиночку Чапай Василий Иванович
Во тех во степях славна волжских,
Снаряжал свою дружиночку богатырь Блюхер
В степях дальних, во дальневосточных,
Снаряжали свои дружиночки други богатыри
Во степях славна киевских.
Как грянули-наехали на силу на белую,
Полки белые заколыбалися,
Заколыбалися да пошаталися.
Тут енералы белые призадумалися:
„Не побить будет силы Красной армии,
Надо попросить силушки в подмогу нам
Из земель да из иностранных же“.
Переговорилися, сговорилися с королями
иностранными,
Согласилися короли с полным удовольствием,
Им хотелось, штоб в Россиюшке царь царил,

Им хотелось получить за то подарки ценные,
Получить земли, выделить часть из Россиюшки.
Короли снарядили полки да отправили,
Отправили из своих стран во Россиюшку,
У белых силушка теперь подкопилася,
Силы много да у них прибыло,
Нападали они на славну Красну армию,
Тяжело тогда пришлось нашим бороться.

В ту тяжелую пору, во треложное времячко
Великая досадушка случилася с вождем Лениным:
Он поехал по всем заводам по московским
Рассказать народу про дела, про положеньице,
Он приехал на завод да за Москву-реку,
Он ведь стал тут речь про все говорить,
А в ту пору, в ту минуточку
Змея лютая подкралася,
Она ужалила, ударила вождя Ленина,
Немного не дошла до милого сердечушка,
Она сделала рану очень глубокую,
Очень глубокую, злодейка, очень ядовитую.
Тогда падал он да на сыру землю,
Подымали его работнички заводские со сырой земли,
Клали-то его на носилочки,
Приносили его в комнаты во кремлевские
Ко его ко милой жоне,
К Надежде Константиновне.
Занесли его — она ужახнулася,
Она посылала за славными за лекарями,
Сама выбегала из своей из горницы,
Добежала она до зеленá садочка,
Рвала она да мураву траву,
Рвала разные листочки зеленые,
Нарвала да принесла она,
Да накладывала на раночку горячую.
Когда Ильич пришел в сознанийце,
В сознанийце пришел, во память полную,
Приказал он призвать к себе Сталина.
Заходил Сталин в ихню спаленку,
Подошел он да ко кроваточке,
Сказал Ильич ему да таковы слова:

„Такое пришло сейчас времячко,
Могут всех нас, всех повыгубить,
Все народное наше право приразрушить.
Ты пойдн, помоги своею силой богатырскою,
Силой богатырскою, советом мудрым же,
Штоб наша Красна славна гвардия,
Она штоб приободрилась
Да своей храбрости прибавила!“
Сталин немного он разговаривал,
Того приказаньица он не ослушался,
Надевал он платьице военное,
Он брал себе да все добра коня,
Он поехал да скоро-наскоро.
Не ясён сокол да тут полетывал,
Улетел сокол да во чисто поле,
Как уехал-то добрый богатырь,
Добрый богатырь Иосиф Сталин
Во чисто поле к славной Красной гвардии.
Приезжает он ко своей к силы-армии,
Собрал-то все дружинушки хоробрые,
В стременах-то воздынулся он,
Воздынулся он да речь говдрил:
„Уж вы ой еси, ребята-солдаты Красной армии,
Уж вы ой еси, работнички славна заводские,
Уж вы ой еси, крестьяне-чернопахари,
Пришло времячко самое тяжелое,
Пришло времячко самое боёвое.
Мы должны последними силами собраться,
Своей храбростью хороброй разбить врагов,
Разбить врагов, разметать злодеев всех,
Послал меня к вам Володимер Ильич,
Он лежит-хворает да все постанывает
От злодейки-змеи от той от раны глубокой,
Разобьем врага, дак он поправится!“
Тут приударили полки красные,
Полки красные да своей хоробростью,
Бела сила да растерялася,
Растерялася да разбегалася,
Дак погнали ту силу белую,
Гнали, гнали-то с утра до вечера,
Гнали, гнали со вечера до ноченьки,

А со ноченьки все до утрица,
Они били-рубили, как могли, ее,
В синя моря всех енералов пометывали:
Одного енерала со войском в наше море Белое,
Другого енерала со войском в то море Черное,
Третьего енерала со войском в то море Ерманское,
Четвертого енерала со войском в то море
Дальневосточное,
Всех других енералов со полковниками,
Со полковниками да со майорами,
Загнали в болота дыбучие
Да в глубокие речки во быстрые,—
Тут им и конец пришел.

Расцветала, процветала славна родина советская,
По-хорошему да очень по-чудному,
Все народы-то взвеселились,
Дела все пошли да по-приятному.
От дел, от чувств, от великих радостей
Ильича здоровьице стало поправляться,
Но на беду такую на минутную тут случилось,
Тут случилось, приключилось,
Неприятности случились через злодея Троцкого,
Стал он разрушать дела, порушивать,
А с лукавства с того со злодейского
Подлости разные затевать,
Хотел обманом народ прельстить,
Народ прельстить, забрать под стару власть.

Не успел оздороветь Ильич да поправиться
От той от змеи, от злодейки лютой,
От ее раны от глубокой, ядовитой,

Как втора изменушка приключилася,
Владимер Ильич от досадушки растреложился,
Он призвал да скоро Троцкого,
Выговаривал ему да таковы слова:
„Ты живешь-работаешь да все ведь злым умом,
Все ведь злым умом, умом вражеским,
Ты побрось-покинь неприятности лукавые!“
Злодей вилявый был, как лукавый змей.

Прошло времячка немного же,
Не выстоял лукавец в слове своем,
Повел он опять речи безумные, обманчивые,
Обманчивые речи-дела да огрубительные,
Стал подкопы вести под власть советскую.

Ищо стал Ильич попрележивать, понемагивать,
Ищо Владимир Ильич чуть он жив лежит,
Чувствовал он сам скорую кончинушку,
Што эта болезнь несносная, непереносная,
Не ожидал уж боле встать же он,
Прощался он со любой семьей,
С дорогой жоной, с подругой верною,
Со Надеждой Константиновной,
Со своими сестрицами любимыми,
Со своим братиком рѣдным же.
Говорил он Надежде Константиновне таковы слова:
„С тобой жили мы в верном согласьице,
Была ты во всю жизнь верной способщицей,
Верною способщицей, неизменною,
Нонь приходит времячко, приближается,
Скоро жизнь земна моя кончается...“
Призывал Ильич к себе да друга Сталина,
Говорил ему голосом от желанья полного:
„Недолгий век-от мой он кончается,
Смерть-то скоро моя да приближается,
Бери-бери да ты прими ключи,
Золоты ключи от всей земелюшки!
Уж кому, кому да принимать дела,
Взять-то в руки те золоты ключи,
Как не тебе да другу милому,
Другу милому да все ведь верному!

Управляй дела, тебе счастливо жить,
Тебе счастливо жить да долго веку быть.
По твоей мудрости ключи тебе повывданы,
Повывданы тебе да все поручены!

Не красно солнышко закатилось
Не за славны те горы Воробьевские,
Не за матушку каменну Москву,
Не за те ли леса темные,
Не за те ли сады все зеленые,
Не за моря оно да за глубокие.
Не за города да все за разные,
Не за села да за деревенки,
Не за тихие за заводы,
Укатилось у нас да красно солнышко,
Ищо та ли луна да поднебесная,
Ищо та ли заря, заря утренняя,
Ищо та ли заря вечерняя,
Укатилось красно солнышко,
Как во матушку во сыру землю,
Как во гроб оно-то положено,
Как положен все Ильич же свет,
Призакрыт он доской гробовою.
Тут птица соколом улетела по поднебесью,
Тут ведь рыбина ступила во морску глубину.
Лисицы-куницы убежали по островам,
Медведюшки разбежались по темным лесам,
А народ надевал на себя платье черное,
Платье черное на себя, платье печальное.
К его гробу да все скоплялися.
Скоплялися, сходилися
Мужики да деревенские,
Все работнички заводские,
Все работнички ученые советские,
Всего того народу числа-сметы нет.
Тут народы прирасплакались
На разных голосах разных племеней,
Вся земелюшка была смочена горючьми слезьми.
Снимал богатырь наш Сталин-свет,
Снимал шапочку с головы своей опечаленной,
Говорил он-от народу такую речь:

„Мы кладем клятву великую на времена на вечные,
Память о тебе, о великом вожде, содержать
в сердцах своих,

На все времена но всем земелюшкам
Вечно будет про тебя вспоминаяице,
Вспоминаяице, тяжелое воздыханьице!
Мы кладем заповедь промеж себя великую
Все дела вести по-твоему, как ты велел,
По твоим мудростям мы будем жить!
Прощай. Ильич, отдыхай спокойным сном,
Благодарим тебя, Ильич, за все дела твои,
За все дела твои за чудесные, за великие!“

А мавзолей стоит на славной Красной площади,
Он ведь сделан из камня чудна браманту,
Эти камешки все народы несли,
Каждый народ принес по едину камешку,
И состроили народы гробный домичек,
В нем лежит Ильич, почивает он.

*Архангельское Государственное Издательство
просит читателей и библиотеки присылать
свои отзывы об этой книге по адресу:
Архангельск, ул. Урицкого, 5
Архоблиз*

Редактор *К. И. Коничев* Техред.-корр. *А. А. Веселовская*

Обложка и илл. худ. *В. Г. Постникова*

Уполн. Архобллита № 1577	Авт. л. 2,10	Форм. 61×93/16
Огиз № 962	Печ. л. 2,75	Сд. в наб. 3/VII-38 г.
Инд. X-26	Бум. л. 1,38	Подп. к печ. 5/IX-38 г.
Тираж 10 000	Зн. в б. л. 79296	Заказ № 2494

Цена 1 р. 05 к., переплет 1 р. 25 к.

Тип. „Сев. Печатник“ ОМП Вол. обл. Вологда, ул. К. Маркса, 70.